

УДК 11
ББК 87.2
А61

Перевод с французского Сергея Козицкого

Амейзен, Жан-Клод.

А61 Реальность времени = Sur les épaules de Darwin / Жан-Клод Амейзен ; пер. с фр. Сергея Козицкого. — Минск : Дискурс, 2020. — 384 с.

ISBN 978-985-7251-08-7.

«Живи настоящим» — легко сказать, гораздо сложнее сделать. И причина не столько в психологии, сколько в самой природе времени и человека. Задумайтесь: прямо сейчас, когда вы читаете эти слова, вы уже в прошлом.

Понять ход времени: почему оно то ускоряется, то замедляется, куда уходит прошлое и откуда берется будущее — об этом испокон веков мечтали поэты и философы. Но вряд ли они справились бы без помощи ученых.

Жан-Клод Амейзен рассказывает о людях, умеющих путешествовать во времени: о палеонтологах, способных заглянуть на многие миллионы лет назад, чтобы прогуляться по субтропическим лесам Антарктиды; о нейрофизиологах, пытающихся «остановить» мгновение; об астрономах, стремящихся предсказать далекое будущее Вселенной.

УДК 11
ББК 87.2

ISBN 978-985-7251-08-7 © Jean Claude Ameisen, 2012

© France Inter, Les Liens qui Libèrent, 2012

This edition is published by arrangement with
Les liens qui libèrent in conjunction with its duly
appointed agents L'Autre agence, Paris, France and
Tempi Irregolari, Gorizia, Italy.
All rights reserved.

© Фото автора на обложке courtoisie de Les Liens qui Libèrent

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ЧУП «Издательство Дискурс», 2020

Оглавление

Глава 1. Меж было и будет	9
И где ты есть, там тебя нет... ..	10
Пока музыка длится, вы сами — музыка.....	20
Двойник твоей души	31
Глава 2. Осколки исчезнувших миров	39
Понять видимое	40
Из одного лица создайте сотни.....	50
Обретение утраченного	59
Невидимые миры.....	80
Колымская лиственница	87
Глава 3. Ностальгия по свету	95
Открой нам дверь	96
Свечи в ночи.....	103
Первый из предков	118
А если нет тебя со мной	131
Глава 4. Вспышка во тьме	139

Глава 5. В краю воспоминаний и забвенья . . .	143
Все это прошлое, о котором я не знал, я носил в себе.	144
Искать? Не только — творить.	162
Карты памяти	174
Что произойдет завтра	188
Где начинается конец?..	202
Боль прекратилась исподволь	218
Распустить этот мир.	236
Как руки для объятия	254
Глава 6. Музыка из глубин веков.	265
Неисчерпаемый смысл музыки	266
Как будто здесь мы впервые	288
Прекрасное существует исключительно в духе, созерцающем их.	306
Учиться	321
Изобретать	328
Сопереживание.	335
Список использованных источников	345
Примечания переводчика	365

Бернар Шартрский¹ часто повторял, что мы подобны карлика, сидящим на плечах гигантов — *gigantum humeris insidentes*. И что по этой причине способны видеть больше и заглянуть дальше, чем они. Не потому, что у нас острее зрение, но потому, что нас вознесло ввысь, подняло их величие.

Иоанн Солсберийский². Металогик

Белое солнце
катится вниз под гору;
Желтой Реки
воды к морю стремятся.
Дальние дали
чтобы открылись взору,
Ярусом выше
нужно еще подняться!

*Ван Чжихуань³. Поднимаюсь
на Башню Ауста*

Если я вижу дальше, то потому, что стою на плечах гигантов.

*Исаак Ньютон⁴. Письмо
к Роберту Хуку*

Не вернуться к жизни, а начать жить — с пробуждения, с рождения, наново. Возрождение, на взгляд Алкуина и Карла Великого, на взгляд Петрарки и Николая Кузанского, на взгляд Экхарта или Бруно, Монтеня или Шекспира, никогда не означало реставрацию древних в их древности, но возрождение рождения.

*Паскаль Киньяр⁵.
Спекулятивная риторика*

Глава 1

Меж было и будет

И что ж оно хочет сказать, сердце твое?
В полете меж было и будет
Беззвучное, словно чужое,
И звонко стучащее,
Вырвавшись из времени.

Ингеборг Бахман⁶

И где ты есть, там тебя нет...

Ты должен идти по дороге незнания.
Чтобы иметь то, чего не имеешь,
Ты должен идти по дороге отчуждения.
Чтобы стать не тем, кто ты есть,
Ты должен пройти по дороге, где тебя нет.
И что ты не знаешь — единственное, что ты
знаешь,
И чем ты владеешь — тем ты не владеешь,
И где ты есть — там тебя нет.

Т. С. Элиот⁷

«В прошлом и в будущем
Сознанию почти нет места.
Сознать — значит быть вне времени...»

Но только...

«Но только, — продолжает Т. С. Элиот, — во времени
помнится
Миг в саду среди роз.
Миг в беседке под гулом ливня,
Миг сквозняка при курении ладана, —
Только между прошедшим и будущим.
Только времени покоряется время».

Но что есть время?

«Времени нет самого по себе, — пишет Лукреций⁸, —
но предметы сами ведут к ощущению того, что в веках
совершилось, что происходит теперь и что воспоследует
позже».

«Время не существует без движения и изменения, — говорит Аристотель⁹. — А когда чувствуем и разграничиваем, говорим, что время протекало».

Что такое время?

«Так что же такое время? — спрашивает Блаженный Августин¹⁰. — Если никто меня о нем не спрашивает, то я знаю — что, но как объяснить вопрошающему — не знаю».

Как может быть прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет?

Нам, говорит святой Августин, остается только настоящее, единственное время, в котором мы способны жить. Миг, безостановочно убегающий от нас. Исчезающий:

«Если бы настоящее не уходило в прошлое, это было бы уже не время, а вечность».

Но что такое настоящее?

«Настоящего не существует», — говорит Гаспар Галаз, астроном, исследующий бескрайнее небо, раскинувшееся над телескопами гигантской обсерватории Серро-Тололо на севере Чили, на верхних плато пустыни Атакама. Беседа Галаза с режиссером-документалистом Патрисио Гусманом вошла в изумительный фильм Гусмана «Ностальгия по свету».

«Мы живем в прошлом, — продолжает Галаз. — Загадка времени пронизывает всю науку. Все, что с нами происходит, в том числе и этот разговор, состоялось в прошлом. Пусть на миллионную долю секунды, но в прошлом. Камера, в которую я сейчас смотрю, стоит в нескольких метрах от нас. Это значит, что она вот уже как несколько миллионов долей секунды находится

в прошлом по сравнению со временем, которое показывают мои часы. Сигналу, чтобы дойти до нас, нужно время. Свет, отраженный камерой, отраженный тобой, доходит до меня с задержкой. Ничтожной задержкой, потому что скорость света огромна.

Сколько времени до нас идет свет от Луны? Чуть больше секунды. А от Солнца? Восемь минут.

Мы видим вещи не такими, какие они есть в момент, когда мы их видим.

Настоящего нет».

То, что мы проживаем как момент настоящего, всегда уже в прошлом.

Потому что свет в пространстве распространяется с конечной скоростью. И звук распространяется с конечной скоростью. Все, что мы видим и слышим в момент, когда мы это видим и слышим, уже состоялось. И чем дальше в пространстве мы от этого места, тем больше свету и звуку нужно времени, чтобы до нас дойти.

К тому же звуковые волны распространяются в атмосфере со скоростью почти в миллион раз меньшей, чем световые, и все, что мы слышим, древнее того, что мы видим.

Не зря в грозу мы считаем секунды от вспышки молнии до раската грома — по этому разрыву во времени можно вычислить расстояние до места, куда попала молния.

Есть еще один разрыв во времени — крошечный, и тем не менее. Чтобы донести в виде нервного импульса до мозга то, что уловили глаза и уши, тоже требуется время. И время на ответ — чтобы понять, что произошло и как реагировать...

«Единственное настоящее, которое может существовать, — продолжает Галаз, — то, что у нас в сознании. Это ближе всего к абсолютному настоящему.

И кстати... Когда я думаю, сигналу тоже нужно время, чтобы переместиться по моей нервной системе. И это еще увеличивает разрыв».

Но в нашем восприятии того, что принято называть настоящим — этого фрагмента прошлого, который дошел до нас издалека, из другого времени, — есть еще одно, на первый взгляд, парадоксальное измерение.

То, что называется настоящим, мы можем осознать, то есть сделать его нашим настоящим, только если оно длится.

То, что мы называем настоящим — не мгновение.

Все, что происходит на наших глазах в очень короткий, чрезвычайно короткий промежуток времени, наше сознание не воспринимает.

Картинку, возникшую перед нашими глазами лишь на несколько сотых долей секунды, мы увидим, но не узнаем об этом — не осознаем, что ее видели.

Тем не менее она может запечатлеться — на некоторое время — в нашей памяти и принять форму бессознательного воспоминания, так называемого сублиминального образа. И такое воспоминание впоследствии может влиять на нашу мозговую деятельность и поведение.

Мы, например, бессознательно запоминаем эмоции на лице человека, фотографию которого видели всего долю секунды, даже не осознав, что ее увидели.

Если бы мы неосознанно сохранили сублиминальный образ испуганного или грустного лица, а после повстречали радостного человека и при этом имели возможность смотреть на него достаточно долго, чтобы осознать, что мы видим, то его веселое лицо показалось бы нам грустнее, чем если бы никакого сублиминального образа у нас в сознании не было.

Наш эмоциональный отклик изменило сохранившееся бессознательное воспоминание. Воспоминание о том, что мы видели, не ведая о том.

Влияние на нас того, что мы, ни о чем не подозревая, восприняли, сказывается и на более рациональных действиях. Нейробиологи Станислас Деан и Лионель Наккаш с коллегами показывали людям карточки с числами от 1 до 9, обозначенными то цифрой, то словом, например 7 или «семь». Карточки, назовем их видимыми образами чисел, показывались достаточно долго, чтобы человек мог осознать, что он видит.

Людей просили нажимать на кнопку одной рукой, скажем, правой, если число, которое они видели, было больше 5, и левой, если меньше. Между двумя видимыми образами людям показывали сублиминальный образ, который появлялся на экране меньше чем на 0,04 секунды.

На сублиминальных картинках, как и на видимых, были числа от 1 до 9, обозначенные где-то цифрой, где-то словом. Если число на сублиминальной картинке было больше 5 и число, показанное затем на видимой картинке, тоже, люди нажимали правой рукой кнопку точно так же, как и тогда, когда сублиминальной картинке им не показывали. Но если число на сублиминальной картинке было меньше 5, а на обычной — больше, кнопку нажимали с поддающимся измерению запозданием.

Задержка с правильным ответом свидетельствует о том, что неосознанное восприятие числа на сублиминальной картинке запускало в мозге операцию по определению величины числа и подготовке левой руки к тому, чтобы нажать на кнопку, как если бы это число было меньше 5.

Эти подсознательные мыслительные операции тормозили последующие действия при осознанном взгляде

на следующее число, если оно требовало другого ответа — нажатия на кнопку другой рукой, правой, при числе большем, чем 5.

Нейровизуализация, позволяющая следить за деятельностью мозга в реальном времени, фиксирует такого рода противоречия, нерешительность, колебания в виде попеременных вспышек активности в правом и левом полушариях мозга. Наложение воспоминания о сублиминальном образе происходит вне зависимости от того, записано ли число цифрой или словом. При этом операции по определению числа, обозначенного цифрой, расшифровке значения написанного слова, оценке порядка величины числа выполняются крайне быстро, вне фиксируемой мозговой деятельности.

Иными словами, то, что мы проживаем как данный момент, что считаем неким началом, уже таковым не является. В этом начале много других начал, ему предшествовавших, которых мы не осознаем.

В том, что мы воспринимаем как мгновение, уже есть экспозиция — воспоминание. Чем больше настоящего растворяется в нас, становится историей, отзвуком, эхом, тем больше наше осознанное представление может отвоевать новых измерений, обогатиться смешениями осознанных и бессознательных образов, пробужденных ощущениями, воспоминаниями, чувствами, предвкушением...

«Слову “настоящее” стоит предпочесть более верное слово — “проходящее”, — пишет Паскаль Киньяр. — Настоящее есть проходящее время. (И) возможно, что в проходящем заключена энергия прошедшего. Течение глубже смыслом, чем вся вода реки.

Никогда не знаешь, что начинается в этом начале. Мы жили до того, как родились. Мы знали жизнь до того, как солнце ударило нам в глаза».

«Хань Юй» родился в 768 году, — продолжает Киньяр. — Однажды он расставил пять пальцев руки. Он сказал загадочно, что у него до сих пор между пальцами тень первой зари.

Вновь видеть зарю везде, везде, везде — таков способ жизни. Предчувствовать рождение в каждой осени.

Врываться в мир в первый раз. Потому что другого раза нет.

Рождаться».

Окунуться в свою память. Вспомнить.

И возродиться.

Наше осознание настоящего не только отзвук прошлого.

Оно — предвосхищение будущего, проекция в завтра.

В этом весь фокус.

Фокусник подбрасывает мячик вверх. Мы видим, как он взлетает. И вдруг исчезает. Его нет нигде — ни в воздухе, ни на полу, ни в руке фокусника...

Вернемся к началу: фокусник берет в руку мячик, мягкий цветной мячик. Сжимает его в ладони, разжимает, сжимает, разжимает и потом — мы видим — подбрасывает его вверх. Мы видим, как мяч летит, и вдруг он растворяется в воздухе.

Суть фокуса в том, что каждый раз, когда фокусник сжимает или разжимает мячик, он смотрит на свою ладонь. И когда он поднимает глаза вверх, мы видим, как мячик взлетает, мячик, на который он смотрит.

Но фокусник не подбрасывал мячик.

Если попросить зрителей следить не за глазами фокусника, а за его рукой, трюк не удастся. В момент, когда фокусник смотрит вверх, он сминая мячик и прячет его в рукаве. Потом он раскрывает ладонь, и там ничего нет...

Именно потому, что мы следили за глазами фокусника — мы же видели, как он вдруг посмотрел вверх, — мы мгновенно истолковали этот взгляд как полет мячика, *увидели*, как мячик взлетает вверх — куда же еще! — а потом исчезает.

Эмпатия — удивительная способность человека ощущать себя на месте другого, проживать его жизнь, понимать его действия, желания, предугадывать их, погружаться в его будущее — вот что заставило нас потерять из виду настоящее...

Хороший фокусник умеет заставить людей жить его намерениями, ожиданиями, действиями до такой степени, что мы верим, будто они и есть *сама* реальность. Он заставляет нас прожить то, что представляет своей реальностью. И эта реальность делается нашей, становится самой реальностью.

Увлекая нас за собой, погружая нас в сон наяву, фокусник отрывает нас от настоящего...

Ученые записали движения глаз зрителей, проследили направление их взгляда во время представления. И в тот момент, когда фокусник поднимает глаза вверх — когда люди *видят*, как мячик взлетает и исчезает, — эти записи зафиксировали, что зрители следят не только за взглядом артиста. Несколько раз на короткие мгновения взгляды зрителей падали на руку фокусника, прячущую мяч, который он не подбросил...

Люди видели, что мяч он не подбросил. Но их внимание было настолько сосредоточено на предугадывании траектории мяча, на сопереживании фокуснику, следящему за его якобы полетом, что они не осознали того, что увидели их глаза.

Наше сознание не только постоянно отстает от настоящего, оно еще и парадоксальным образом часто оказывается заброшенным во время, которого еще не было...

То, что мы называем настоящим, настоящим моментом, является отчасти воспоминанием о прошлом, отчасти — предвосхищением будущего. Тем, что между «уже нет» и «еще нет»...

Маятник внутри нас безостановочно качается между этими двумя полюсами — «уже нет» и «еще нет» — двумя источниками, из которых проистекает странное временное пространство, в котором в один момент и растворяется, и расцветает настоящее.

Между «уже нет» и «еще нет»...

Между памятью и ожиданием.

Между воспоминаниями и желаниями.

«И что ж оно хочет сказать, сердце твое? — спрашивает Ингеборг Бахман у Пауля Целана¹², своего возлюбленного. — В полете меж было и будет
Беззвучное, словно чужое,
И звонко стучащее,
Вырвавшись из времени».

В полете меж было и будет...

«Настоящее, — говорил Пьер Реверди¹³, — состоит из искажений прошлого и размытых набросков будущего».

Не отдавая, как правило, себе отчета, мы вплетаем в свое представление о настоящем воспоминания и предвосхищения — ностальгию и ожидания. И видим, слышим, ощущаем то, что не осознается как увиденное, услышанное, прочувствованное, но оно отпечатывается в нас бессознательно, за пределами нашего сознания. В тех загадочных просторах ушедших времен и тех, что, возможно, будут, которые раскинулись в нас, принадлежат нам, но чаще всего нам недоступны... и лишь иногда вдруг открываются нашему сознанию.

«Река у нас внутри, вокруг нас море, — говорит
Т. С. Элиот. — ...Я здесь или там, или где-то еще.
...Пытаясь расплести, распутать, развязать
И воссоединить прошлое и будущее».

В каждом из нас есть знание о мире и о нас самих, которое мы чаще всего не осознаем. Зыбучее, безостановочно колеблющееся между «уже нет» и «еще нет». Неуловимое знание, которое Эмили Дикинсон¹⁴ называла «мы, прячущиеся за собой» и которое тем не менее нас изменяет. Когда вдруг оно всплывает в нашем сознании, нам кажется, что мы только что сделали открытие.

«Личность куда обширнее, чем внутренний повествователь, — пишет Сири Хустведт¹⁵ в потрясающей книге «За гранью нервного срыва». — Сознющий себя рассказчик подобен островку, а вокруг него и под ним — безбрежное море бессознательного, того, чего мы не знаем, никогда не узнаем или успели забыть... Это приводящая в замешательство правда мглы и тумана, смутных образов, которые не можешь узнать, призраков, воспоминаний или снов, которые нельзя удержать или сжать пальцами, все равно утекут, улетят, и я не могу сказать, что́ это — если это вообще что-то. Я пытаюсь догнать ее словами, хотя она неуловима, и мне иногда кажется, что еще совсем чуть-чуть и...»

Пока музыка длится, вы сами — музыка

Для большинства из нас существует
Лишь неприметный момент, входящий
Во время и выходящий из времени,
Теряясь в столбе лучей из окна,
В невидимом диком тмине,
В зимней молнии, в водопаде,
В музыке, слышимой столь глубоко,
Что ее не слышно: пока она длится,
Вы сами — музыка.

Т. С. Элиот

По большей части мы не осознаем, что наше восприятие настоящего соткано из воспоминаний и предвкушений — ностальгии и ожидания.

«Слушать мелодию, — пишет философ и музыковед Виктор Цукеркандл¹⁶, — это в каждое мгновение слышать в трех временах — прошедшем, настоящем и будущем.

В музыке прошлое и будущее даны нам вместе с настоящим, они в самом настоящем. Мы переживаем прошлое и будущее одновременно с настоящим, внутри его».

В 2011 году нейробиологи обнаружили, что предвкушение момента, когда зазвучит знакомый и любимый фрагмент музыки, способно вызывать физическое наслаждение.

Наслаждение предвкушением возвращения воспоминания.

Подобное ожидание заставляет наш мозг выделять такой нейромедиатор, как дофамин, являющийся частью